

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОГО ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ГОРОДА

(Некрополь киликийского города Корика)

Историками поздней Римской империи твердо установлен тот факт, что по своей экономике восточная половина империи (впоследствии — Восточная Римская империя и Византия) стояла значительно выше, нежели западные ее провинции. В сельском хозяйстве восточных областей римского государства это превосходство выражалось

¹ Лукриан, Собр. соч., М., 1935, т. II, стр. 382 сл.

² Там же, т. I, стр. 473 сл.

³ Там же, стр. 606.

⁴ Там же, стр. 501.

⁵ А. И. Герцен, Полное собр. соч. и писем, 1919, т. IX, стр. 119.

⁶ См. о Гекубе: Еврипид, Гекуба; Плавт, Менехмы, 714; Овидий, Метаморфозы, XIII, 667—670. Лукиан о Гекубе см.: «Сновидение, или петух», 517; «О жертвоприношениях», 2.

⁷ Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, К Марк и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 610.

в большей продуктивности земледелия и в многообразии разводимых здесь сельскохозяйственных культур. В городской жизни восточные — прежде всего азиатские и африканские — провинции отличались от подчиненных Риму стран Западной Европы высоким уровнем промышленности и торговли. Сохранность в восточных провинциях свободных непосредственных производителей, труд которых не был полностью вытеснен трудом рабов, обуславливала больший простор для развития производительных сил.

В советской исторической литературе, в работах ряда буржуазных исследователей накоплен большой материал, характеризующий экономику восточной части позднеримской империи. Однако эти данные принадлежат преимущественно к области аграрных отношений. Город изучен гораздо слабее. В значительной мере это объясняется тем, что источники лишь в очень редких случаях позволяют с большей или меньшей ясностью представить внутреннюю жизнь города. Обычно достоянием историка восточноримского города являются, помимо нарративных памятников, государственные распоряжения и законодательные акты общего характера, либо разрозненные, случайно сохранившиеся надписи. По памятникам такого рода и им подобным трудно или вообще невозможно определить профессиональный состав городского населения, что имело бы немаловажное значение для понимания экономики позднеримского города. В этой связи представляют несомненный интерес надписи на могильных плитах и на саркофагах частично сохранившегося некрополя киликийского города Корика (Korykos).

Часть этих надписей была известна и опубликована в XIX в., полностью свод всех надгробных надписей издан И. Кейлем и А. Вильгельмом в 1931 г.¹ Особенностью корикских эпитафий является то, что наряду с именем покойного обычно указывался род его занятий, а в некоторых случаях даже и профессия его отца. Поскольку сохранилось всего около 580 надписей и большая их часть удобочитаема, мы имеем возможность до некоторой степени познакомиться с ремеслом и торговлей этого малоазийского города.

Время, к которому относятся погребения с соответствующими надписями, точно установить не удастся, ибо могильные эпитафии не датированы. Несомненно христианский характер кладбища и употребляемое в отдельных надписях летоисчисление по индиктам² дают основание относить эти погребения к позднеримскому периоду. Моммзен, которому была известна лишь незначительная часть корикских эпитафий, полагает, что они восходят к V—VI столетиям³; издатели надписей приурочивают их к «ранневизантийскому времени» (МАМА, III, стр. 120). Город, повидимому, был разрушен арабами в начальный период их завоеваний и более не восстанавливался⁴.

Подобные же, но гораздо менее многочисленные и более скудные содержания эпитафии, обнаруженные на церковном кладбище соседнего города — Корасия (Κοράσιον), издатели датируют IV—V, а отдельные — VI в. н. э. (МАМА, III, стр. 108).

Город Корика, расположенный на морском берегу недалеко от предгорий Тавра, входил в пределы так называемой Суровой Киликии (Κιλίκια Τραχεῖα), но вместе с тем был непосредственно связан с плодородной Равниной Киликией (Κιλίκια πεδιάς). Хозяйство Равнинной Киликии в позднеримский период оставалось в цветущем состоянии. Здесь в изобилии произрастали многочисленные зерновые культуры, произ-

¹ Monumenta Asiae Minoris Antiqua, т. III. Denkmäler aus dem rauhen Kilikien. изд. J. Keil und A. Wilhelm, Manchester, 1931. Далее это издание цитируется: МАМА, III. — Номера надписей приводятся в скобках в тексте.

² МАМА, III, № 429: 7-й индикт; № 442 (ср. № 268): 10-й индикт; № 443: 15-й индикт; № 660: 5-й индикт.

³ Th. Mommsen, Römische Geschichte, V, Berlin, 1885, стр. 331; Т. Моммзен. История Рима, V, М., 1949, стр. 304, примечание.

⁴ В настоящее время эта усеянная руинами местность все еще сохраняет искаженное древнее название города — Коргос. См. RE, XI², стр. 1452.

водились дорогие вина, на местном сырье развивалось производство полотна¹. Развитие скотоводства на пастбищах Малой Азии благоприятствовало производству шерсти. Города, расположенные на средиземноморском побережье, поддерживали торговые связи с Сирией, восточными частями Малой Азии, островами Эгейского архипелага.

На широкие связи Корика с другими странами и городами указывают и интересующие нас надгробные надписи. Среди похороненных в корикском некрополе мы встречаем имена выходцев из различных областей империи. Здесь упомянуты уроженцы других киликийских городов: Селевкии (№ 262, 369, 457), Анемуриона (Ἀνεμόριον — приморский город, расположенный на крайнем юге Киликии, № 222), Пнокесарии (в горной части Киликии, № 511, 735), Корасия (на юго-запад от Корика по берегу моря, № 432). Наряду с ними встречаются имена людей, переселившихся в Корик из Византии (Σέργιος Βυζάντιος, № 696), из морской гавани Круны в южной Мезии («Георгий, священник круниот», № 650; «льноторговец Сергий из Круны», № 706), из Никомедии в Вифинии (№ 263, 672), из Самарии в Палестине (№ 758) и др. Неоднократно упоминаются иудеи, погребения которых в Корике были расположены бок о бок с христианскими могилами («еврей Моисей, глава коллегии золотых дел мастеров», № 607, ср. №№ 295, 344 — «старшина изготовителей благовонных масел»). Часто встречаются надписи, свидетельствующие о похороненных на корикском кладбище сирийцах, переселившихся в Киликию из различных областей (χωρίων) своей страны (χωρίου Κατερναγάδων, № 248, χωρίου Ἰμίων, № 240, χωρίου Σορίου, № 500; ср. №№ 408, 436, 445, 478, 507, 733); среди сирийцев названы шерстодел из Антиохии (№ 455), льноторговец (№ 563), весовщик (№ 642), мелкие торговцы (№№ 443, 240). Относительно частые упоминания о выходцах из Сирии объясняются, повидимому, оживленными связями между этой страной и Киликией. Многие из переселенцев прочно обосновались в Корике, на что указывают надписи, из которых явствует, что и родители покойных тоже жили в этом городе; например, «Э. демон, сын ткача Фотия, египтянина» (№ 340). Население Корика, судя по сохранившимся надписям, было чрезвычайно неоднородно по своему этническому составу. Вероятно, именно потому, что среди жителей было очень много чужестранцев, в некоторых надписях встречаются указания на местное происхождение покойного — с целью подчеркнуть его «автохтонность» (например, «шерстодел Феодот, сын шерстодела Дионисия, корикийца», № 392, ср. №№ 262, 263).

Указание в эпитафии на родину похороненного человека как бы заменяло ссылку на его профессию в тех случаях, когда он происходил из города или области, славившихся тем или иным видом ремесла. Иногда указание относительно родины погребенного ремесленника играло роль свидетельства высокого качества производимой им продукции. Так, лаконичная надпись Θνήη Νικολάου καλιγάρου Βαβυλωνάριου — «Погребение Николая, вавилонского сапожника» (№ 616) рекомендует его как мастера по изготовлению изящной «вавилонской» обуви.

Заимствование некоторых латинских наименований ремесел свидетельствует о деловых сношениях с Италией, откуда эти названия были занесены римскими купцами. Так, наряду с распространенным греческим обозначением шерстодела — ἐρεουργός, в эпитафиях встречается латинский термин (в греческой транскрипции) λαγάριος (№№ 322, 392 дважды, 644)².

Оживленные торговые связи Корика, осуществлявшиеся, главным образом, морским путем, нашли свое косвенное отражение в изучаемых эпитафиях, в которых часто упоминаются профессии, связанные с морем. Среди похороненных в некрополе бога-

¹ А. Н. М. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937, стр. 192, 207; Т. Frank, *Rome and Italy of the Empire*, Baltimore, 1940, стр. 294.

² Ср. № 287 (и № 739): βεστιάριος, vestiarius, № 302: νομμοκλάριος, от лат. nummus, № 343 (и № 387): εἰσικιάριος, isiciarius, «колбасник» и др. См. E. Hanton, *Lexique explicatif du recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*, «Byzantion» т. IV, 1929, стр. 132.

тых граждан Корика четыре раза встречаются судовладельцы (ναυκλήροι), причем один из них назван к тому же и виноторговцем: он, вероятно, специализировался на вывозе вина (№ 680: ναυκλήρος καὶ οἶνεμπόρος; ср. №№ 241, 342, 663). Еще чаще упоминается в надписях термин ἱρμενοπόρος, «пошивщик парусов» (№№ 293, 303, 537, 604, 633, 656; один из них является также священником, № 582). Дважды на могильных плитах попадается обозначение кораблестроителя (ναυπηγός, №№ 502, 535). Один из этих мастеров, Конон, назван «одиночным судостроителем» (Σωματοθήκη Κόνωνος ναυπηγοῦ μοναζοντος, № 535). Повидимому, он содержал верфь на свои личные средства и не входил в коллегия (о торгово-промышленных коллегиях Корика — ниже). Несколько раз на могильных плитах встречается термин λιμενίτης, обозначающий человека, связанного по роду своей деятельности с гаванью (№№ 367, 424, 433, 750, 770³). Обращают на себя внимание упоминания о сборщиках моллюсков, из которых добывался пурпур (ἀσπαραγυλιωκονχυλεύς, № 681, κονχυλεύς, №№ 309, 601 — отец и сын, 655). Тот факт, что среди нескольких сотен эпитафий мы находим лишь единичные, которые содержат упоминания о рыбаке (ὄλιεος, № 521) и моряке (ναύτης, № 729), не может свидетельствовать о слабом развитии морского дела и рыболовства. Необходимо иметь в виду, что под могильными плитами, не говоря уже о дорогостоящих роскошных саркофагах, покоились останки зажиточных горожан; погребения простого народа, бедняков, а равно и рабов сохраниться не могли. О наличии рыболовства свидетельствует также то, что среди многочисленных ремесленников, населявших Корик, в надгробных надписях упоминается плетельщик сетей (σαγγνεός, № 411).

До некоторой степени изучаемые надписи позволяют установить, что именно являлось предметом торговли Корика. В первую очередь здесь следует назвать вино. Выше уже был упомянут судовладелец-виноторговец. Обозначения «виноторговец» (οἶνεμπόρος) и «перевозчик вина» (οἶνηγός, ὄνηγός) обнаружены на пятнадцати надгробиях¹. Производившийся в Киликии мускат высоко ценился в античном мире, и виноторговля была весьма прибыльным занятием².

Другой важной статьей вывоза были лен и полотняные ткани. В Корике существовала коллегия льноторговцев, о чем свидетельствует следующая надпись: Θήκη διαφεροῦσα τῷ συστήματι τῶν λιμενιτῶν λινοπώλων τῆς Κορυκαιοῶτων (№ 770)³. Из этой надписи явствует, что торговля льном производилась по морю, вследствие чего льноторговцы, объединенные в коллегия (τὸ σύστημα), названы «портовыми» (λιμενίται). Помимо этого, в некрополе сохранилось девять надписей, сообщающих о похороненных льноторговцах, по всей вероятности, членов упомянутой корпорации (№№ 208, 400, 454, 458, 520, 563, 706, 720, 763).

С развитием торговли связано наличие в Корике таких профессий, как весовщики (ζυγοστάτοι, №№ 377, 642, 734), кладовщики (ἀποθηκῆριοι, №№ 426, 431, 543, 715, 736)⁴, упаковщики (σακκοποιοί). Погребение упаковщика представляет собой богато украшенный саркофаг с надписью: Σωματοθήκη Ἰωάννου σακκῆ καὶ κεραμείος ὕειου Εὐθύτου σακκῆ (№ 470). Как видим, этот наследственный упаковщик был к тому же еще и богатым горшечником, имевшим достаточно средств для того, чтобы соорудить себе саркофаг.

Поскольку на вывозе полотна и льна специализировалось значительное число лиц и существовала соответствующая коллегия торговцев, естественно ожидать, что и

¹ Οἶνεμπόρος, №№ 207, 282, 357, 363, 444, 467, 471, 552, 574, 652 (братья — ὀνεμπόροι), 680. Οἶνηγός: № 682. ὄνηγός: № 599. ὄνηγός: № 271, 709.

² А. Н. М. Jones, ук. соч., стр. 192. См. о коллегиях виноторговцев у М. Sarras: Ἀγυπτιακὸν Συγγεγραμμένον περὶ τοῦ Ἰσχυροῦ καὶ τοῦ Ἰσχυροῦ, Μόναχου, 1913, стр. 75—76.

³ Ср. А. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М., 1949, стр. 102.

⁴ См. E. Hanton, ук. соч., стр. 60.

двумя терминами: *αυράριος* (№№ 254, 348, 413) и *χρυσοχόος* (№№ 336, 386, 394, 411, 423, 517 — *εὐλαβεστάτος χρυσοχόος*). Но наряду с ними несколько раз встречается термин *πρωταυράριος*, «глава коллегии золотых дел мастеров» (№№ 335, 351, 423, 607)¹. Сличение имен этих последних дает основание предположить, что должность «протаурария» могла переходить из поколения в поколение: во всяком случае в № 351 речь идет о «протаурарии» Евтихе, а в № 335 — о «протаурарии» Гермофиле, сыне Евтиха; вряд ли это простое совпадение. На организацию золотых дел мастеров указывает, повидимому, и обозначение одного из них *πρεσβύτερος χρυσοχόος* «старший ювелир» (№ 336).

Наряду с мастерами, занятыми обработкой металлов, в надписях упомянуты ножовщики (*μαχεράς*, № 628, *κοπίδας*, № 573), слесарь (*κλιδάς* от *κλειδοποιός*, № 685), точильщики (*κουδισάμιος*, № 724, *ἀκωνιτής*, № 414).

Из других профессий наиболее распространенным, если об этом можно судить по надписям, было ремесло сапожников. Термин *καλιγάριος* встречается тринадцать раз². Выше уже упоминался сапожник из Вавилона, изготовлявший обувь особого качества. Помимо сапожников, в Коринфе проживали и другие мастера по обработке кожи и выделке кожаных изделий: один раз упоминается стряпчатник (*βυρσαῖος*, № 323), на другой плите читаем о седельном мастере (*ἰνυράφος*, № 741).

Довольно многочисленны и вышивальщики (*πλουμάριοι*)³. В несколько меньшем количестве упоминаются портные⁴, среди них — один пошивщик роскошной одежды из полотна и шелка (*ράπτης ῥόβον*, № 581)⁵. Не исключена возможность того, что здесь имеются в виду окрашенные в пурпур ткани; вспомним, что близ виликийского побережья производилась ловля моллюсков, содержавших пурпур.

Ряд эпитафий коринфского некрополя свидетельствует о том, что здесь были погребены мастера, приготавлившие и поставлявшие продукты питания: пекари (*ἄρτοκόποι*, №№ 223, 273, 321, 508, 615, 732, *πλακουνταριος*, № 697, *σιλιγάριος*, № 700, 727⁶, *καρσανάριος*, №№ 421, 422⁷), кондитеры (*παστιλλάριοι*, №№ 495, 621, 754), повара (*μάγειψ*, № 292, *μάνκιψ*, №№ 409, 706, *μάκηψ*, №№ 242, 415), мясники (*κρουπωῶλος*, т.е. *κρεοπῶλος*, № 506), колбасники (*εἰσικιάριοι*, №№ 343, 387)⁸, зеленщики (*λαχνοπωλῆς*, № 494), продавцы прохладительных напитков и закусок (*σαπρομωταριος*, № 760, *προποματῆς*, № 698), торговцы фруктами (*ὄπωροπῶλης*, № 359), фисташками (*κάπιλος πιπτακάριος*, № 495), оливками (*ἐλεοπωλῆς*, №№ 245, 331, 468, 768).

В большом числе упоминаются в эпитафиях содержатели харчевен и поставщики дров (*θερμοπῶλης*, № 719, *ταβερνάριος*, № 311, *πάνδοξ*, №№ 459, 576, 602, 671, 704), мелкие торговцы — *κάπηλοι* (*κάπιλοι*) встречаются в надписях почти двадцать раз⁹. Попадается и другое обозначение мелочного торговца — *παντοπωλῆς* (№№ 209, 443).

¹ H. S. Jones, A Greek-English Lexicon, т. II, стр. 1544; MAMA, стр. 281.

² №№ 235, 237, 382, 399, 482, 550, 616, 625, 639, 661, 662, 671, 682.

³ №№ 285, 364, 391, 403, 429, 441, 496, 523 (*μοναχός πλουμάριος*), 665, 685. По крайней мере десять человек. Относительно термина *πλουμάριος* см. Th. Reil; ук. соч., стр. 106.

⁴ *Ἀγναφάριος*: №№ 252, 622; *Ἰματιοπράτης*: № 619; *Βρεκάριος*: №№ 406, 506; *Ῥάπτης*: №№ 554, 581.

⁵ MAMA, III, стр. 184; E. Hanton, ук. соч., стр. 71.

⁶ Th. Reil, ук. соч., стр. 153.

⁷ MAMA, III, стр. 162.

⁸ См. M. San Nicoló, ук. соч., стр. 125; Th. Reil, ук. соч., стр. 160.

⁹ №№ 209, 234, 240, 279, 296, 307, 396, 439, 456, 474, 490, 560, 599, 653, 653, 677, 738.

Широко представлена в надписях Корики категория менял (траπεζίται). По имеющимся надгробиям их насчитывается десять человек¹. Деятельность менял не ограничивалась пределами Корики и Киликии, недаром в их числе мы обнаруживаем сирийцев (№№ 376, 500). Масштабы их деятельности диктовали необходимость создания особой организации менял. Наряду с упоминанием «старшего меняля» (траπεζίτης πρεσβύτερος, № 676) мы встречаем на надгробиях надпись, свидетельствующую о существовании в Корики коллегии менял: «Τοῦ συστήματος τῶν εὐχεστατῶν τραπεζιτῶν» (№ 771). Наличие в Корики большого числа менял, организованных в особую коллегию, наличие коллегий торговцев, специализировавшихся на вывозе льна и полотна и на вывозе вина, а также другие приведенные данные, свидетельствующие о довольно оживленной торговле, дают основание предполагать, что Киликия не переживала в позднеримский период того глубокого хозяйственного упадка, который охватил значительную часть империи и привел к сокращению и разложению товарного производства и к возврату к натурально-хозяйственным условиям.

В период, к которому относятся погребения, город, повидимому, продолжал процветать. На это указывают надписи на могильных камнях, сообщающие о таких профессиях, как архитектор (ἀρχιτέκτων, № 522, οἰκοδόμος, №№ 486, 548, 724)², эмметес (λατόμος, № 356, λατοπος, № 251), мастер по мрамору (μαρμαράριος)³, плотник (τέκτων, №№ 365, 543), скульптор (λινοξάς, №№ 457, 463, 701), резчик по дереву (γλύπτης, γλύπτης, №№ 338, 454).

Помимо перечисленных профессий, надписями засвидетельствованы: два мастера по изготовлению гемм (καβιδάριοι, № 226, 289), чтец (ἀναγνώστης, № 246⁴), четыре ювелира (φάλτοι, №№ 373, 451, 472, πρωτοφάλτης, № 649), шесть врачей и повитух (ἰατρός, ἰατρίνη, №№ 269, 292, 409, 528, 617, 737), пять могильщиков (κοπιάται, №№ 290, 294, 441, 664, 677 — κοπιάτης κάπιλος), брандмейстер (κουρέας, № 233), ковровщик (καπνός, № 527), токарь (λεπτοουργός, № 596), палмовщик (λυχνάτης, № 437), стеклодув (βυλίριος, № 591), два стекольщика (οὐτράριος, от лат. vitrarius, №№ 549, 598), четыре продавца благовонных мазей (μυρεψός, №№ 289, 344, 448, σταγματοπωλῆς, № 307), поставщик калийных удобрений (σποδοκροποποιός, № 546), торговец отрубями (ῥαχυροπότης, № 487), два лесоруба (ξύλιχαριος, № 731, ὄλοξιδής, № 338), мельник (?πριστίνης, № 667), два изготовителя папируса (χαρτουφάντης, №№ 310, 361), четыре содержателя частных бань (πριβατάριος, №№ 259, 332, 557, 585), некий мастер, «строющий машины» (? — μηχανοδέτης, № 702)⁵, один «ремесленник» (τεχνίτης, № 299), профессия которого не установлена, и одиннадцать садовников (κηπεργοί)⁶.

Ознакомление с надписями на саркофагах кладбища города Корасия, расположенного неподалеку от Корики, по существу, ничего не прибавляет к собранному нами материалу; данные по этому городу слишком немногочисленны и фрагментарны⁷.

В общей сложности из числа всех изученных надписей (без малого 600) приблизительно 60% содержат ссылку на ремесленную или торговую профессию погребенного. Что касается остальных надписей, то они либо умалчивают о роде занятий покойного, либо относятся к погребениям священников, монахов, а также государственных чиновников и членов городского управления. Если при этом учесть, что во многих случаях вместо профессии указывалась родина покойного (см. выше), то к числу торговцев и

¹ Траπεζίτης: №№ 227, 228, 268, 328, 376, 469, 500, 676; ῥαχυροπότης: № 255; Νομοκλάριος: № 302. См. E. Hanton, ук. соч., стр. 132 — 133.

² Ср. E. Hanton, op. cit., «Byzantion», IV, стр. 63, 108.

³ №№ 273 (μαρμαράριος καὶ ἀρτοκόπος), 554, 683, 721 (отец и сын).

⁴ Ср. E. Hanton, ук. соч., «Byzantion», IV, стр. 63.

⁵ Ср. у М. San Nicolò, ук. соч., стр. 126.

⁶ №№ 321, 348 (κηπεργός ἀυράριος), 513, 543 (=544), 586, 637, 662, 669, 687, 714, 730.

⁷ См. МАМА, III, стр. 108—116.

ремесленников можно будет отнести не менее двух третей всех лиц, останки которых были погребены на кладбище Корика и погребения которых сохранились.

Рассмотренного нами эпиграфического материала, разумеется, совершенно недостаточно для того, чтобы делать, основываясь на нем, какие-либо широкие выводы. Тем не менее анализ приведенных данных позволяет отметить некоторые существенные моменты. Мы считаем себя вправе утверждать, что в позднеримский период (более точно установить время, к которому относятся погребения, мы не имеем возможности) город Корик, как, по всей вероятности, и другие города Киликии, представлял собой центр ремесла и торговли. Главным занятием основной массы его населения было производство различных ремесленных изделий. Отмеченные выше довольно широкие связи этого киликийского города с другими городами и странами были возможны лишь при наличии известного уровня производства в самом Корике. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть ввиду того, что современные буржуазные историки Римской империи рассматривают город не как социально-экономическую категорию, а лишь в качестве чисто «политического института», развитие которого сводилось, по их представлениям, к изменению его отношения к государству¹, вследствие чего экономическая основа городской жизни почти совершенно выпадает из их поля зрения.

Имеющиеся в нашем распоряжении фрагментарные сведения все же дают возможность установить связь, существовавшую между ремесленным производством и торговлей Корика. Так, развитию ткацкой кустарной промышленности соответствовала относительно широко поставленная и организованная торговля полотняными тканями, о чем свидетельствуют упоминания о коллегии портовых ценоторговцев (№ 770). Следовательно, торговля, которую вел Корик с другими областями и городами, находившая в его хозяйстве свою производственную основу и не была транзитной.

В Корике существовало большое количество самых различных ремесел, основными из которых были ткачество, гончарное дело, обработка металлов. В некоторых случаях мастера обладали предприятиями, в которых, возможно, в какой-то мере эксплуатировалась и наемная рабочая сила. В ряде отраслей производства ремесленники были организованы в корпорации, возглавляемые старшинами². Однако главенствующей формой промышленности было мелкое ремесло, носившее характер простого товарного производства. Показательно, что среди примерно двухсот пятидесяти ремесленников, которых мы можем насчитать по сохранившимся надписям, ни в одной специальности не набирается более тридцати человек (максимальная цифра — 28 у гончаров), а представители основных ремесел составляют в эпитафиях группы в десять-пятнадцать, редко — двадцать человек. Перед нами — весьма дробная и сложная картина распределения ремесленников между разными отраслями производства, которая, судя по своеобразному характеру наших источников, повидимому, в основном соответствовала действительному положению дел. При этом следует учесть, что погребения относятся не к короткому отрезку времени, а, повидимому, к длительному периоду; и тем не менее ремесленников одной специальности относительно немного. Подобная многочисленность различных профессий, в каждой из которых было занято незначительное по сравнению с общей массой населения количество ремесленников, свидетельствует, по моему мнению, именно о мелком характере производства. Ряд отраслей производства города Корика, повидимому, был рассчитан, в первую очередь, на удовлетворение местных потребностей. Если бы здесь на самом деле господствовало развитое «денежное хозяйство»³, связанное с расширенным воспроизводством, то налицо было бы обратное явление, а именно — наличие сравнительно небольшого круга профессий, каждая из которых охвачена масса непосредственных производителей.

Насколько мелким было производство в Корике, можно судить еще и по тому.

¹ См. А. Н. М. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, стр. XII.

² Об употреблении термина *πρεσβύτερος* в значении «старшина коллегии» см. Th. Reil, *ук. соч.*, стр. 177 сл.

³ См. G. Mickwitz, *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr.*, Helsingfors, 1932, стр. 190—191 сл.

ряде случаев одно и то же лицо занималось двумя профессиями, не имевшими между собой ничего общего. Повидимому, более узкая специализация экономически себя не оправдывала. Так, мы читаем в надписях о валяльщике шерсти, занимавшемся вместе с тем изготовлением папируса (№ 361), об упаковщике — гончаре (№ 470), о мастере по мрамору, являвшемся также хлебопеком (№ 273), о золотых дел мастере, который одновременно был садоводом (№ 348 б). В связи с этим следует упомянуть также духовных лиц (священников, монахов), из которых многие занимались ремеслами, вряд ли имея возможность уделять им все свое время (см. №№ 582, 523 и др.).

Столь же мелкий характер носила в известной мере и торговля. Если, с одной стороны, часть занятых в ней лиц объединялась в коллегию львоторговцев, если отдельные львоторговцы имели собственные корабли (см. № 680) и, вероятно, производили коммерческие операции большого масштаба, то большинство торговцев были мелкими; не случайно по надписям насчитывается до двадцати человек, которые вели торговлю по мелочам и обозначались термином *κατὰ πλοῦς*. Для некоторых торговля была вообще подсобным занятием. Таков могильщик, который, кроме того, торговал (№ 677). Здесь также обращает на себя внимание многочисленность терминов, которыми обозначались разного рода торговцы. Среди них названы продавцы прохладительных напитков, закусок и вышивки, фисташек, фруктов, зелени, есть даже особый торговец отрубями и поставщик калийных удобрений.

Подобное положение дел в торговле и ремесле города Корика дает основание для утверждения, что его население было весьма неоднородным в имущественном отношении. Надгробные надписи позволяют предположить, что мелким ремесленникам и торговцам противостояли крупные предприниматели, обладавшие немалыми средствами, накопленными в результате широкой торговой и промышленной деятельности. Вместе с тем необходимо признать, что характер погребений исключает для нас знакомство с положением и составом низших слоев населения киликийского города. Равным образом мы не располагаем в данном случае какими-либо данными относительно рабов.

Таким образом, нам удастся лишь до некоторой степени вскрыть по корикским надписям характер экономики города Восточной Римской империи V—VI вв. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать вывод, что Корик представлял собой центр ремесла и торговли, основывавшихся на простом товарном производстве.